

Вторник, 11 марта 1980 г.

В ГОСТЯХ У НАРОДНОГО ПОЭТА ЛИТОВСКОЙ ССР
ЮСТИНАСА МАРЦИНКЯВИЧЮСА

«БУДЬ И БЛАГОСЛОВИ»

Оглянитесь — наступает весна. «Хотя и холодно ночами, зима предрасположена к концу», — писал Юстинас Марцинкявичюс в «Двадцатой весне». Мартовским днем мы собрались (точнее сказать — напросились) в гости к народному поэту республики. Приглашаем и читателей побывать у поэта на улице Антакальне.

Какое обилие солнца! Солнечные зайчики прыгают по письменному столу, за которым сидит Юстинас Марцинкявичюс, пересказывают на книжные полки, скользят по толстым томам сборников народных песен, сверкают на заправленной в рамку под стеклом старой газете (разумеется, о Литве), словно театральные прожекторы, сияют на подаренной клайпедскими актерами театральной короне короля Миндаугаса, глядят пишущую машинку, по-новому освещают приз первой Весны поэзии — птицу, расправившую крылья, играют на пестрых лентах с литовским национальным узором, подбираются к чеканке неизвестного автора на мотивы поэмы «Кровь и пепел».

Хорошо и уютно, но как-то беспокойно: с чего начать, когда обращаешься к поэту, представителю лирического эпоса в нашей литературе, который четверть века назад первым сборником своих стихов веско сказал: «Прощу слова».

— Я не оратор, — скромно улыбается хозяин. Не оратор? Он сам признается, что может молча просидеть в куче поездов Москва—Вильнюс всю дорогу, что не любит шумных сборищ и крупных мероприятий. Но еще раньше он выдал секрет: «Я — уста деревьев и птиц, я обязан

за них говорить». Мы знаем (и гордимся этим), что он способен обнять в своих произведениях мир и человека с душой, «прислушивающейся и вопрошающей» (сборник «Нежное прикосновение жизни»). Ведь именно он призывает к тому, чтобы все слова: «Мать, Земля, Хлеб, Солнце, Любовь, Родина, Революция, Труд и еще много других прекрасных слов вместились» в одном-единственном слове — Мать, призывая стоять на страже мира, чтобы «мы могли родиться без боли и умирать без шума». Это из «Публицистической поэмы», и этим высоким идеалам писатель верен во всех своих стихах, начиная с первого и кончая новой поэмой «Древо познания», посвященной 400-летию Вильнюсского университета. Кстати, именно с университетом связана добрая традиция: Юстинас Марцинкявичюс, воспитанник этого вуза, свои новые произведения первым делом читает студентам. А ждут их повсюду, перед ним распахнуты двери и сердца в любом уголке Советской Литвы, повсюду в нашей необъятной стране и за ее пределами, даже в далекой Индии. Произведения поэта переведены на русский, латышский, эстонский, грузинский, венгерский, немецкий, румынский, английский и другие языки мира. Это говорит о многом.

Идут троллейбусы по оживленной улице Антакальне. Хотя на дворе не двадцатая, а более зрелая, не первая, а сотая книга Юстинаса Марцинкявичюса собирается увидеть свет, и дочери уже почти взрослые (Рамуне заканчивает Московский институт театрального ис-

кусства, Юрта учится в восьмом классе школы искусств имени М.К. Чюрлениса), все же начнем.

С «ДВАДЦАТОЙ ВЕСНЫ»

Эта поэма о молодежи послевоенных лет, о сложной «дилемме середины» принесла молодому еще автору Республиканскую премию 1957 г. и, как оказалось, вывела его на сцену.

Юстинас Марцинкявичюс вспоминает:

— Однажды вечером к нам на квартиру на Жверьянае энергично ворвался молодой бойкий человек и заявил, что намерен ставить в Каунасском театре мою «Двадцатую весну». Это был нынешний главный режиссер Государственного академического театра драмы Литовской ССР, народный артист СССР Генрикас Ванцявичюс. Я был молод, эта мысль пришла мне по вкусу. Навью думал, что поэму прямо «перенесут» на сцену. Когда началась работа, почувствовал, что Ванцявичюс тактично и незаметно кое-что... меняет.

— У вас не возникло чувства противоречия? С тех пор ваши произведения не раз ставились на сцене. Увидели свет рампы все части драматической трилогии «Миндаугас», «Собор», «Мажвидас». Всегда обходились без конфликтов? — провоцировали мы собеседника.

Писатель рассмеялся: — Уж не хотите ли вы посорить меня с театром? Не выйдут. Я принадлежу к тем, кто никогда не суется в театраль-

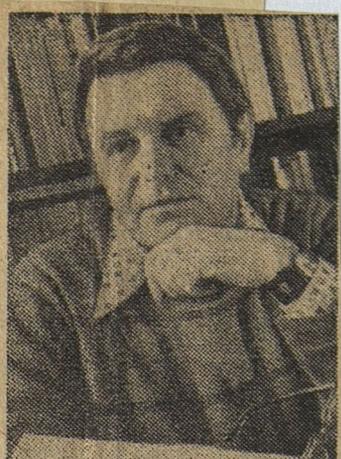

Фото Евгения Шупко.

ные дела. Напротив — старюсь кое-чему научиться у артистов. Признателен народной артистке республики Казимере Кимавайтите за писценровку поэмы «Кровь и пепел». Это было в Вильнюсе. Очень понравился спектакль поэзии «Падающие звезды» в Клайпде.

— Как вы приняли двух «Миндаугасов»?

— Отрадно, что и в столице, и в Клайпде эту драму-поэму прочитали по-разному. Главное, чтобы прочтение было убедительным. Ведь искусство многозначно.

На супер-обложке серии изданий произведений Ю. Марцинкявичюса, выпуск которой начался в 1975 г., автор писал:

«Четвертый том этого сборника посвятил драматической трилогии, своего рода эпосу и мифу о наших первоосновах, о тех элементах, с которых началась Литва: образование государства («Миндаугас»), появление письменности и книги («Мажвидас»), возведение идеалов добра, красоты («Собор»).

Мы спросили:

— Вы очень углубились в историю. Не боитесь ли погрешностей и неточностей?

— История — живой, непрерывный процесс. Она залегает в нас слоями. То, что было, что произошло — не имеет окончательного, законченного смысла, а происходит и продолжается в нас. История действует так же, как действительность, окружающая нас сегодня. Сквозь нее можно по-новому увидеть самые актуальные, самые злободневные проблемы. Что касается погрешностей, то если пишешь о сегоднешнем дне, это тоже не исключено.

«РОДИНА СЛОВА»

Мы сидим, потчываясь сваренным хозяином крепким кофе, беседуем, слушаем и спрашиваем. О годах учебы в университете и еще раньше, о родном Вахаткемисе, что у излучины Немана, неподалеку от Преней, о первых школьных литературных опытах, о любимой учительнице Андрашюнене. Вспоминаем отдельные страницы творчества писателя — его творческому багажу может позавидовать каждый мастер слова. Откуда все это? Вновь и вновь вспоминаются строки из сборника «Нежное прикосновение жизни»: В лучах заходящего солнца Ты так прекрасна, Отчизна! Счастье иметь тебя рядом Надо мною склонившую. И, отсюда слова моя. О, слова мои, как повязки, Что приложили к ранам твоим

Эти слова как будто слышишь и в драматической поэме «Девять братьев», и в стихотворении «Шестнадцатилетние», и в уважительном спокойствии поэм «Донелайтис», «Стена», и в мудрости многих других строк.

— Я благодарен своему народу, деревне, в которой получил все, что есть хорошее во мне, — как-то по-крестьянски спокойно говорит поэт. — Благодарен за родную речь, за песни и сказки, за сложившиеся там издавна зачатки морали и этики. Без всего этого не представляю себя в литературе, как и без постоянного труда, долга и ответственности перед своим временем, обществом. Долг и ответственность — вот два столпа, на которые всегда можно опереться. Несоблюдение этого раньше или позже мстит художнику, — добавляет хозяин чуть позже, когда разговор вновь уходит в прошлое, к героям повести «Сосна, которая смеется».

«ОДНО ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ...»

— Когда вы чаще всего пишете? — интересуемся мы.

«В родной деревне, на поле с отцом, который тоже родился в марте. Ему исполняется восемьдесят», — говорит поэт.

Оказывается, поэт не признает никаких правил. Мол, это не творчество, когда ежесекундно пишешь по стихотворению, а графомания, преступление. Все зависит от работы, за которую взялся, от внутренней собранности, настроения.

— Когда с головой ухожу в дело, то для меня уже не существует ни дня, ни ночи, — признается поэт. — Так было с драмой-поэмой «Миндаугас», которую я написал в Друскининкай за двенадцать дней. Чтобы дисциплинировать себя, закончив большую работу, чувствую облегчение в переводах.

Такие передышки — стихи А. Мицкевича, А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, карело-финский, эстонский народные эпосы, возвратившиеся к литовскому читателю благодаря Юстинасу Марцинкявичюсу.

Несмело спрашиваем, над чем сейчас работает поэт.

— Могу сказать, потому что это уже наверняка, — говорит Юстинас Марцинкявичюс. — Жду выхода своей сотой книги — лирического сборника «Будь и благослови».

— Как бы вы расшифровали название?

— Это обращение к человеку, ко всему живому в этом мире, чтобы появление человека на свет было благословенным. Эти слова появились как

нынешнее выражение моего душевного состояния.

— Что сейчас на вашем столе?

— Не очень уютно, когда на столах ничего нет, когда закрома пусты. И у меня есть кое-что. Осенью хочу передать издательству книгу прозы «Дневник без дат». Это своеобразные акварельные портреты людей, тех, кто имел определенное влияние на меня, это обрывки воспоминаний.

«Есть у меня одно заветное желание — когда-нибудь обнять солнце», — писал Юстинас Марцинкявичюс 25 лет назад. Мы прощались, и нам очень не терпелось узнать, сбылось ли это желание. А может быть, не стоит? Пусть оно сбывается и для нас, читателей. Так будет только лучше. Говоря словами создателя, писатель живет в состоянии начала. В каждой книге он словно начинается заново. И пусть щедро падают капли солнца — стихотворные строфы из этого дома. Весной, летом, осенью, зимой. Как и до сих пор, до золотой весны Юстинаса Марцинкявичюса. Иначе и быть не может. Мы в это твердо верим и ждем, потому что поэзия, выражаясь словами нашего народного поэта, — это забота обо всем на свете.

Ядвига ГОДУНАВИЧЕНЕ,
Дайна ВАУПШЕНЕ,
наши корр.

203